

ΕΦΡΕΜ ΦΙΛΟΘΕΩΣΚΙΝ

ΜΟΪ ΣΤΑΡΕΪ
ΙΟΣΙΦ ΙΣΙΧΑΣΤ
ΚΑΙ ΠΕΪΤΕΡΝΙΚ

Ο ΓΕΡΟΝΤΑΣ ΜΟΥ ΙΟΣΙΦ
Ο ΙΣΥΧΑΣΤΗΣ ΚΑΙ ΣΠΗΛΑΙΩΤΗΣ

старец Ефрем Филофейский
Мой старец Иосиф Исихаст и Пещерник

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11079438
Мой старец Иосиф Исихаст и Пещерник: Индрик; Москва; 2010
ISBN 978-5-91674-079-0*

Аннотация

«Вашему вниманию предлагается перевод с греческого фрагментов новой книги «Мой старец Иосиф Исихаст и Пещерник» о. Ефрема Филофейского. Почему мы избрали только часть книги? Цель этого издания – избежать повторений. В книге о. Ефрема много того, что повторяет уже известное Житие или поучения старца Иосифа. Нас интересуют малоизвестные эпизоды жизни и новые, неизвестные поучения Старца...»

Содержание

От переводчика	5
Вопрос об авторстве книги	6
Исторический контекст	7
Устное предание о старце Иосифе	8
Замечания о тексте	9
Обучение послушанию	10
Скит Василия Великого	12
Малая Агиа Анна	13
Духовные состязания	23
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Ефрем Филофейский Мой старец Иосиф Исихаст и Пещерник

© Издательство «Индрик», 2010

* * *

От переводчика

Вашему вниманию предлагается перевод с греческого фрагментов новой книги «Мой старец Иосиф Исихаст и Пещерник» о. Ефрема Филофейского. Почему мы избрали только часть книги? Цель этого издания – избежать повторов. В книге о. Ефрема много того, что повторяет уже известное Житие или поучения старца Иосифа. Нас интересуют малоизвестные эпизоды жизни и новые, неизвестные поучения Старца.

Поэтому избранные части посвящены призванию учеников и теме послушания. Здесь повествуется об о. Иоаннии, Ефреме и Иосифе, точнее – о времени их призвания и обучения (темное место в первом житии), и приводятся поучения Старца, раскрывающие тему послушания. За пределом нашего внимания осталось учение Иосифа Исихаста о молитве, нетварном свете, переходе на новый стиль и т. д. Эти вопросы более систематически раскрыты в других книгах о. Ефрема.

Вопрос об авторстве книги

Надо сказать, что вопрос об авторстве книги немаловажен и вызывает среди греков на Афоне живой интерес. Вообще-то сам о. Ефрем малограмотный человек и написать такую книгу, скорее всего, не мог. Как считают многие афонские монахи, эту книгу написал протопресвитер Стефан Аногностопулос. Он просто систематизировал записи и рассказы о. Ефрема, изложив все это простым доступным языком. Он же написал вступительную статью к греческому изданию. Не лишним будет добавить, что сам протопресвитер Стефан Аногностопулос является близким духовным чадом о. Ефрема и очень уважаемым старцем.

Исторический контекст

Хочется заметить о содержании: уже существует житие старца Иосифа, написанное отошедшим ко Господу в этом году о. Иосифом Ватопедским. Естественно, возникает вопрос: чем новое житие отличается от уже существующего?

Похоже, что целью первого жития было дать максимально приглаженный облик Старца, сгладить искусительные подробности его жизни. Это связано с тем, что Старец долгое время считался прельщенным, его не признавал ни Скит, ни Монастырь. При жизни его не признали ни монахи, ни старцы, ни даже прп. Паисий Святогорец. Более того, среди современных афонских старцев до сих пор можно встретить мнения о том, что Иосиф Пещерник находился в прелести. Например, нам об этом говорил старец Августин из скита Василия Великого. Так что вряд ли умолчание оказалось удачным.

Чем больше проходит времени, тем более величественно открывается образ старца Иосифа как одного из величайших святых. Новое житие – это апология Старца, написанная его любимым учеником о. Ефремом, который и «наследовал благодать Старца».

Поэтому новое житие открывает перед нами совершенно иной образ. Отличие можно выразить одним словом: здесь Старец – живой. Кроме известного из первого Жития каноничного образа сурового молчаливого аскета, теперь перед нами кроткий, послушный, остроумный, жизнерадостный человек, гонимый всю жизнь и безропотно переносящий эти гонения.

Масштаб гонений непосвященному человеку понять трудно. Один тот факт, что представители Скита настроили Монастырь против отшельника, указывает на большие смущения. Монастырь – это Великая Лавра прп. Афанасия, которая управляется советом старцев. Именно идиоритмическое устройство Лавры сделало ее самым демократичным монастырем Афона. Чтобы совет старцев Великой Лавры был настроен против какого-то человека – вещь невиданная.

Старец терпел гонения из-за противостояния двух традиций: монастырской и отшельнической. Т. е. он защищал не себя, а забытое Предание Церкви. Это было впервые высказано!

С удивлением мы узнаем о том, что Старец был тонким, очень чутким человеком – поэтом. Он писал стихи! Чуткие люди гораздо глубже переживают ложь, лицемерие, клевету. От этого подвиг Старца открывается для нас с новой глубиной.

Вероятно, кто-то обратил внимание на несоответствие первого жития письмам Старца. Большинство писем направлено к духовным дочерям-монахиням, а в житии даже не упоминается об окормлении женских обителей. Наконец, мы можем узнать, как обстояли дела в действительности: многие чада Старца были монахинями. Мы этот отрывок не переводили, т. к. он мало информативен с точки зрения учения Старца о послушании. Лучше обратиться к письмам Старца.

О. Ефрем подчеркивает связь Старца с русскими. Например, неприступная пещера скита Малая Агия Анна, в которой поселился Старец, оказывается, принадлежала русским монахам, о которых ничего не известно. Иосиф Исихаст сравнивается с прп. Серафимом Саровским. Он подражает прп. Серафиму в отшельническом образе жизни, так же опирается на женские общины и мирян и точно таким же образом оказывается гоним своими братьями-монахами, т. е. профессионалами.

Мы сознательно не затронули вопрос о связи Старца с традицией колливадов. Такое умолчание в данном случае оправданно. Это слишком обширная тема для столь краткого введения. Тем более что русскоязычный читатель в силу ряда причин имеет о колливадах весьма смутное представление...

Устное предание о старце Иосифе

Было бы несправедливо утаить от читателей то, что и эта книга – также всего лишь штрих портрета, одно из воспоминаний о Старце. Дело в том, что на Афоне среди пожилых монахов греческих монастырей сохраняется весьма обширное устное предание о старце Иосифе. Например, это рассказы о том, как, будучи молодым, старец Иосиф приходил на келии в Карее и пламенно проповедовал покаяние, чем приводил в большое замешательство старых, выдавших виды, келиотов.

– Покайтесь, приблизилось Царство Небесное!

– Отец, тебе что – плохо? Ты перемолился?! Мы, монахи, непрерывно каемся...

– Где же плоды? Почему у вас нет тех плодов, которые были у древних святых?!

– Э... брат, когда поживешь на Афоне с наше, лет сорок, тогда будешь говорить...

– Нет, отцы, Бог – Тот же и благодать та же. Просто мы – другие. У нас нет той целеустремленности, которая была у древних...

Ведь нельзя забывать, что историческая ситуация на Афоне в то время была достаточно сложной: с одной стороны – страшная разруха и нищета, с другой – духовный упадок.

Также на Афоне мы слышали повествование, что в этот малоизвестный период жизни молодой Иосиф мог прийти в гости к какому-то келиоту, закрыться в отведенной ему для сна комнате и не выходить до утра.

– Отец, открой, открой! Давай, вместе почитаем повечерие!

– Господи, помилуй нас...

– Послушай, дорогой, со своим уставом в чужой монастырь не ходят!

– Господи Иисусе Христе, помилуй нас...

Так Иосиф молился всю ночь, не обращая ни малейшего внимания на приглашения хозяина почитать службу, попить чай и обсудить новости... Уже тогда многие обижались на чудаковатого молодого монаха.

Есть и много других повествований о молодых годах Иосифа на Афоне. Всех их объединяет общая особенность, – они показывают, насколько Иосиф был оригинален. Иосиф был чрезвычайно целеустремленным человеком, всячески избегавшим схем и духовной мертвости. Он был именно личностью. И еще одна особенность – он совершенно не имел страха. Он был более всего похож на открытого живого ребенка, который не боится ничего, потому что знает, что его всегда защитит добрый любящий отец. Это хорошо видно по очень редкой фотографии сороковых годов, приведенной в книге.

Другими словами, теперь пред нами живой образ носителя Живой Афонской Традиции. После прочтения этого текста непреодолимо тянет помолиться в Церквушке на Малой Анне.

Замечания о тексте

Текст книги весьма сложен: греческий первоисточник является плохо отредактированным сбивчивым изложением. Возможно, духовные чада о. Ефрема старались избежать редакторской правки, например, из благоговения к старцу. Во всяком случае, существуют три рукописи книги, которые частично дублируют друг друга. Возможно, этим и вызвана путаница.

Главная трудность греческого текста – неправильная или неисправленная пунктуация. В тех редких случаях, когда это затрудняло понимание текста, мы ставили свою пунктуацию.

Главная смысловая трудность – отсутствует четкое обозначение прямой речи и цитат. Часто кавычки открываются и не закрываются (напр. 2, 232) или вообще отсутствуют. В таком случае границы прямой речи приходится определять по смыслу. А это очень важно. Особенно важно выделить собственные слова старца Иосифа. Единственным выходом из этого положения оказалось сохранение в переводе всех отступов и делений текста первоисточника на абзацы, так чтобы читатель сам мог принимать решение. Поэтому текст выглядит немного непривычно для русского языка, особенно в части диалогов.

Цитация книги также оказалась весьма запутанной. Зачастую о. Ефрем берет цитату, потом толкует ее, иногда еще и дополняет молитвой. А ссылка вообще дается на огромный кусок текста, 5–6 страниц сразу. Это не научная книга, и точная цитация здесь не нужна, но она имеет большое значение для того, чтобы выделить собственные слова о. Ефрема и старца Иосифа. Это важно. Пришлось приложить немало усилий, чтобы выделить слова Старца. Некоторые указания на сложности, связанные с цитацией, мне показалось лучше вынести в примечания. Без них можно просто запутаться в прямой речи и цитировании.

Мы пытались выдержать один стиль изложения – полновесным языком, каким и должен быть перевод с греческого на русский.

Все примечания в тексте – от переводчика. В комментариях мы постарались лишь обрисовать круг проблем, связанных с переводами греческих текстов, нисколько не претендуя на их решение.

Обучение послушанию

Не могло быть такого, чтобы к старцу пришел человек и не был бы исцелен, сколь ни был бы этот человек недоброжелательным. Только бы он оказывал полное послушание!¹ Знал этот Небесный человек как многими слезами исцелять страсти своих послушников. Только бы послушники были рядом с ним – и станут совершенно другими людьми!

Старец имел великую любовь и был благодатным, но, с другой стороны, он был очень точным и строгим в отношении своего аскетического порядка и направления, так что оказывалось трудным кому бы то ни было пребывать около него. В результате того, что он прошел и на себе испытал все аскетические виды борьбы, старец знал, как привлекается и как сохраняется Божественная благодать. Потому-то и слова его всегда были скудными и точными: «Здесь сделай так». Вместе с тем и требовал он от того, кто его спрашивал, полного послушания.

Многие приходили и получали пользу от Старца, но почти никто не удерживался. Приходили люди образованные, важные, имеющие в мирской жизни большое значение, но только лишь Старец ввергал их в недра «печи послушания», как они уходили, несмотря на свое стремление. Таким образом, никто не мог пребывать около Старца, если не вычеркивал себя самого из жизни. Именно поэтому его братство никогда не было большим. Он характерно говорил: «Я хочу создать монаха, истинного монаха!», «а не что-то, пресное, сваренное на воде...». Старец не осуществлял никакого отбора, но по любви принимал всех, кто искал остаться, достаточно было представить в качестве причины «желание безмолвия и духовной жизни».

Дело показало, что хоть и встречались люди с благим произволением, но не имели такого самоотречения, какового требует жизнь «в пустыни». Наоборот, они имели немало застарелых мирских привычек, прочно укорененных в глубинах души, которые препятствовали Старцу держать свой суровый аскетический устав.

По этой причине Старец говорил им:

– «Лучше идите в монастыри, где для вас более безопасно, храните там послушание и смиренный образ мысли»².

¹ Здесь есть важный нюанс, о котором нужно оговориться в самом начале: в этом месте и далее, когда о. Ефрем говорит о послушании, он использует термин «и ипакуи». Следует учитывать, что в древнегреческом языке существуют два различных термина, выражающих послушание: «и ипакуи» и «и ипотаги». Термин «и ипакуи» послушание (дословно внимательное прислушивание изо всех сил (такое значение дает перфиксация), образован от глагола «ип-акуо» прислушиваться, вслушиваться. В древнегреческом этот термин имеет значение «слушать изнутри и добровольно отвечать». Это как бы стук в дверь, на который можно ответить или промолчать. Очень точно коннотацию этого термина передает икона «Троица» Андрея Рублева: в склоненных головах нет покорения, все объединяет добровольное единство воли «и ипакуи». Монашеское послушание, конечно, «и ипакуи», такое понимание встречается у свт. Василия Великого (Ascet. 2.2: PG 31, 884B; ср. Asceticon magnum: 2040.050). Именно такое послушание «и ипакуи» свт. Афанасий Александрийский в «Житии св. Синклитикии» поставляет «превыше жертв (фисия)» (Via sanctae Syncleticae: 2035.104). Термин «и ипотаги» подчинение, повиновение, образован от глагола «ипотассо» подчинять, помещать ниже. Поэтому он всегда содержит коннотацию послушания по принуждению, послушание сильнейшему, который тебя подчинил невольно, другими словами, речь идет просто о рабстве. В патристической традиции «и ипотаги» обозначало чаще всего невольное послушание творения Вседержителю. Так, например, используется этот термин у свт. Афанасия (Ag. 3.40: PG 26, 409B), у свт. Василия Великого (Renunt. 9: PG 31, 648A), так «рабствует» Богу неразумное творение (Homilia in assumptionem domini: 2800.005). Выражение «послушание выше поста и молитвы» подразумевало термин «и ипакуи». Стоит только пожалеть, что в русском переводе «Лествицы», устава монашеской жизни, административный термин «и ипотаги» не отделяется от духовного послушания, которое, естественно, передается термином «и ипакуи» (Scal 4: PG 88,725C). Это создает путаницу и других греческих текстах. На самом деле, для прп. Иоанна Лествичника, как и остальных отцов, понятие послушания как «слушать изнутри и добровольно отвечать» было само собой разумеющимся.

² Дело в том, что на Афоне существуют две традиции: монастырская и отшельническая. Если человек способен полностью отречься от себя «...только бы он оказывал полное послушание...», то он может проходить подвиг как ученик отшельника. Здесь говорится об идеальном послушании (именно об этом далее пойдет речь в книге). Если же – нет, то он

должен учиться послушанию и отречению, живя в монастыре «...идите в монастыри, где для вас более безопасно...». Монастырь дает средний уровень: снизу подтягивает, а сверху обрезает. И так подготавливает, отбирает способных к предельному самоотречению, отшельничеству. Эти люди должны будут выйти на отшельничество и своим подвигом удерживать ориентиры для всего «огромного корабля, на котором безопасно». Это те, кто не могут ни есть, ни спать, ни отдыхать потому что они будут стоять за штурвалом или как маяк управлять кораблем. Таково древнее афонское Предание: монастырская традиция одухотворяется отшельнической. Они взаимно дополняют друг друга, не вступая в конфликт. Если же отшельническая традиция утеряна, то монастырская традиция замыкается сама на себя, становится автономной и теряет идеал. Как только монастырская традиция начинает существовать сама для себя, она превращается в административную систему. Теряются ориентиры. На Афоне вся жизнь устроена так, чтобы этого избежать. Власть максимально рассредоточена, а система управления монастырской традицией максимально демократична. Теперь становится понятным описанное о. Ефремом далее: почему Старец Иосиф безжалостно бросает о. Иоанна и уходит в другое место. О. Иоанн просто терял время, будучи неспособен к идеалу. Его место в монастыре...

Скит Василия Великого

Во всяком случае, в середине 1936 года братство Старца состояло из трех человек: о. Арсений, о. Афанасий и о. Иоанн.

Поскольку пребывание в скиту Василия Великого было связано с большими трудностями, решено было переселиться в другое место. Впрочем, главной причиной переселения был о. Иоанн, который совершенно не мог оказывать никакого послушания. И не только не слушался, но и препятствовал Старцу жить безмолвно, как он хотел.

Старец говорил ему:

– «Если ты, чадо, будучи послушником, ищешь упокоения своей плоти, то мне – что поделывать?!»

Второй причиной был тяжелый телесный труд: братству приходилось прилагать большие усилия для того, чтобы поднять на своих плечах на столь большую высоту необходимые пропитание и материалы.

Наконец, третьей серьезной причиной стали внешние люди, которые мешали внутренней жизни. Слава о Старце, как о великом аскете, уже начала распространяться. Многие отцы стали приходить за советом, и так потерялось безмолвие, а точнее, время, необходимое для молитвы и беспечительности.

По этим трем причинам Старец принял решение уйти вместе с о. Арсением, о. Афанасием.

– «Уходим! – Сказал Старец. – Пойдем в другое место для того, чтобы совершать наш подвиг, чтобы люди не могли так легко найти нас и лишиться молитвы и безмолвия».

Малая Агиа Анна

На северо-западной стороне Афона на крутом, поросшем густой растительностью склоне, на высоте около 300 метров над уровнем моря находится прекрасный скит Святой Анны. Он состоит из келив, расположенных лесенкой на «пезулях» (огражденных камнями террасах), одна за другой, и большей частью скрытых красивейшими каменными дубами и серо-зелеными скалами. В то время скит насчитывал около двухсот отцов. Здесь же находится самая большая часть мощей св. праведной Анны, матери Пресвятой Богородицы.

На расстоянии получаса пути от скита Святой Анны находится скит, называемый Малая Святая Анна. Речь идет об одном небольшом аскетическом поселении, которое состоит всего-навсего из пяти келив и имеет дочернее отношение к скиту Святой Анны.

Будучи молодым, Старец Иосиф приходил на келии в Карее и пламенно проповедовал покаяние, чем приводил в большое замешательство старых, выдавших виды келиотов...

Это место имеет более мягкий климат, потому что большой каменный утес на севере защищает от холодного воздуха, спускающегося с вершины Горы.

Старец Иосиф и о. Арсений уже слышали от старых монахов скита о том, что существуют какие-то неприступные пещеры в предгорьях скита Малой Святой Анны. Они искали

эти пещеры и с большим трудом нашли на одном неприступном склоне, немного ниже исихастирия, где раньше жили о. Савва Духовник, старец Илларион послушник известного Георгиану.

Когда-то давно в этих пещерах уже подвизались несколько русских аскетов, может быть два – три, и от них остались два небольших резервуара для воды.

Имеется в виду одно очень уединенное место, известное немногим. Это было достаточно тесное место, более похожее на гнездо орла. С одной стороны оно было ограничено скалой, а с другой – отвесным утесом. Старцы были очень утешены найденным местом, ведь в нем царило беспредельное безмолвие.

Таким образом, в январе 1938 года они перенесли на плечах свою бедную одежду и немногие книги и переселились в эти две пещеры.

Когда старцы достигли нового места, они не нашли там ничего, кроме двух резервуаров. Они очистили резервуары, как могли, и прилепили желоб к скале, чтобы собирать дождевую воду, потому что нигде поблизости не было источника. Небольшого количества воды, которое они собирали, еле-еле хватало только для самых необходимых нужд. Здесь так же, как и в скиту Василия Великого, как только начали строить одну каливу и маленькую церквушку, стало ясно, что воды совершенно не хватает. И снова о. Арсений издалека носил воду на своих плечах.

На северо-западной стороне Афона, на крутом, поросшем густой растительностью склоне, на высоте около 300 метров над уровнем моря находится прекрасный скит Святой Анны.

(О. Арсений в скиту Малой Анны). О. Арсений рассуждал в себе: «Этот малыш еще любит сладкое. Что бы ему покушать?!» – Малышочка, сейчас, пока нас Старец не видит, нá – покушай крошки...

Однажды был знойный день, и Старец огорчился о бремени о. Арсения. Он стал молиться Богородице, говоря Ей: «Умоляю Тебя, Пресвятая Госпоже моя, устрой нам немного воды, потому что уж очень тяжкие труды несет о. Арсений». И тотчас услышал какой-то шум из под прилегающей скалы. Поднимает глаза – и что же он видит! Скала источила воду, которая стекает вниз капля за каплей. Они подложили какой-то лежащий под рукой сосуд, и он наполнился. Воды было достаточно, и о. Арсений с тех пор был избав-

лен от тяжелой доставки воды издалека. Был или нет старец Иосиф неким вторым Моисеем, который силой молитвы источил воду из скалы?

В одной пещере построили одну каливочку, а в другой – маленькую церквушку. В строительстве помог и известный о. Ефрем Катунакский, который носил на спине красную глину от Карули, богатой пещерами с глиной. О. Арсений делал кирпичи, а о. Ефрем успевал доставлять глину так быстро, чтобы не возникло задержки в работе, и в то же время не забывал о нуждах своего собственного старца.

Чтобы не разговаривать между собой, отцы решили сделать три отдельные каливочки.

Для Старца сделали небольшое расширение в одной маленькой пещерке, чтобы осталось место для складика, и три маленьких комнатки. Это сооружение было сложено из камней, а чтобы они не упали, они были промазаны внутри и вне смесью травы с глиной, взятой от земли, с какими-то ветками сверху и крышей, покрытой цинковым железом.

Калива о. Арсения была немного впереди каливы о. Афанасия, потому что он, изнуренный бесконечным ежедневным ношением тяжестей, очень часто выходил, нарушая распорядок. Старец Иосиф сделал ему каливочку снаружи, за стенами.

На расстоянии получаса пути от скита Святой Анны находится скит, называемый Малая Святая Анна. Речь идет об одном небольшом аскетическом поселении, которое состоит всего-навсего из пяти калив...

Эти каливы были столь малы, что с большим трудом могли служить только самым необходимым нуждам старцев. Площадь келеек была примерно 1,5 на 1,8 метра. Вместо кроватей служили две-три доски с тряпьем, набросанным сверху. Они сделали и одно небольшое отверстие, которое использовалось как в качестве двери, так и в качестве окна. В него

входили и выходили. А для вентиляции сделали две дырки, закрывающиеся двумя затычками (из клочков ткани), которые использовались как оконные ставни.

В зимнее время в этих кельях было настолько холодно, что если ты находился без движения, то должен был замерзнуть! А снизу – влажность, стоячая вода и плесень. Летом же, наоборот, они страдали от невыносимой жары, которая исходила от цинка, нагревающегося прямо над головой. И даже летними вечерами это место не орошалось прохладой, потому что весь день скалы собирали тепло, а всю ночь – отдавали. Вавилонская печь, семикратно разженная! Попробуй уснуть внутри печи, а тем более на таковой жесткой «кроватьи»?! Эти каливы были настоящим гробом.

В недрах такой каливы, которая источала запах земли подобно могиле, каждую ночь старец Иосиф совершал свое бдение – 8–10 часов умной молитвы. Когда же он закрывал дверь, то оказывался в Божественном Мраке, и даже воздух не проходил внутрь. Настоящее мученичество!

Однако такое положение старца Иосифа в этом ужасающем месте совершенно не устраивало подземных духов зла, которые надеялись опять присвоить по праву им принадлежащее достояние. По этой причине они начали ежедневно донимать Старца. Как-то он говорил по случаю новым своим послушникам:

«Вы пришли сюда и нашли все готовое. Ах, если бы вы знали, сколько вначале я перенес от демонов в этом месте! В миру священники изгоняют демонов, повелевая им в молитве запрещения, что злые духи приходили в пустынные места, и, вот, таким образом все они притащились сюда... Если б вы знали, сколько я пострадал!»

Во всяком случае, когда старец Иосиф ложился немного отдохнуть, чтобы проснуться свежим к бдению, демоны устраивали большой шум, не давая ему отдохнуть. Если же он засыпал, то демоны будили его своей возней на час-два раньше. А после этого он не мог уже заснуть.

Но и не только это. Каждый вечер во время бдения десятки демонов устраивали настоящее шествие перед Старцем. Они принимали унылые и устрашающие образы, чтобы испугать и прогнать Старца.

Так, одни демоны воображались в виде мертвых голов, другие как чародеи, иные как скелеты. Какого бы ужасного зрелища ты ни представил себе, там бы ты это нашел! Более того, Старец терпел от них и побои.

Таковые нападения начали длиться все дольше и дольше. Так, день за днем, Старец начал уставать, потому что демоны, как он говорил, ни на бдении не оставляли, ни поспать ему спокойно не давали. В конце концов, он лишился и особенной благодати молитвы, потому что ум его от бессонницы соделался дебелим и не позволял сосредоточиться. С одной стороны это коварство демонов, а с другой – телесные нужды причиняли Старцу огромные трудности во время бдения. И все же он не отступил в трудностях, хотя и не мог преодолеть их. Тогда Он сказал себе: «Потерплю еще один месяц и, если положение дел не изменится, – уйду отсюда».

Это место имеет более мягкий климат, потому что большой каменный утес на севере защищает от холодного воздуха, спускающегося с вершины Горы.

Так продолжалось каждую ночь – страшные демонические парады, а днем – искусительные беспорядки, преследующие цель лишить отдыха... Во всяком случае, Борец стал истощаться телесно. Кроме того, мало-помалу Старец начал чувствовать лишение Божественной Благодати. Множество раз он не мог сосредоточить свое сознание на молитве и рыдал безудержно. Как он сам рассказывал позднее: «Я рыдал и рыдал безутешно многие дни, многие недели».

Из-за длительности этих состояний он впал в великую скорбь и, как осужденный без вины, начал некоторым образом жаловаться Богу. Ибо Господь вверг его в такие великие искушения и не хочет даже немного сдерживать их, чтобы дать хоть дух перевести. И, вот, однажды, в то время, когда Старец молился во тьме после слез и страданий, он выпрямился, воздел руки и воззвал:

– «Господи, неужели даже на мое произволение Ты не презришь и оставишь, чтобы они нас победили? Как в таком случае вообще может подвизаться человек?!»

Внезапно свет озарил недра его каливки, и он услышал сладчайший глас, говорящий ему: «И ты не потерпишь все это ради Моей любви?» И снова тьма сгустилась. Но с этим гласом немедленно разрешилась печаль, как некое темное тяжелое облако – отлетело вверх от него. Тотчас он уразумел, что это был за голос, упал на землю, ничком, и начал судорожно рыдать с великой любовью, принося покаяние в том, что недовольство восторжествовало над ним.

– «Конечно! Боже мой, ради Твоей любви я потерплю!»

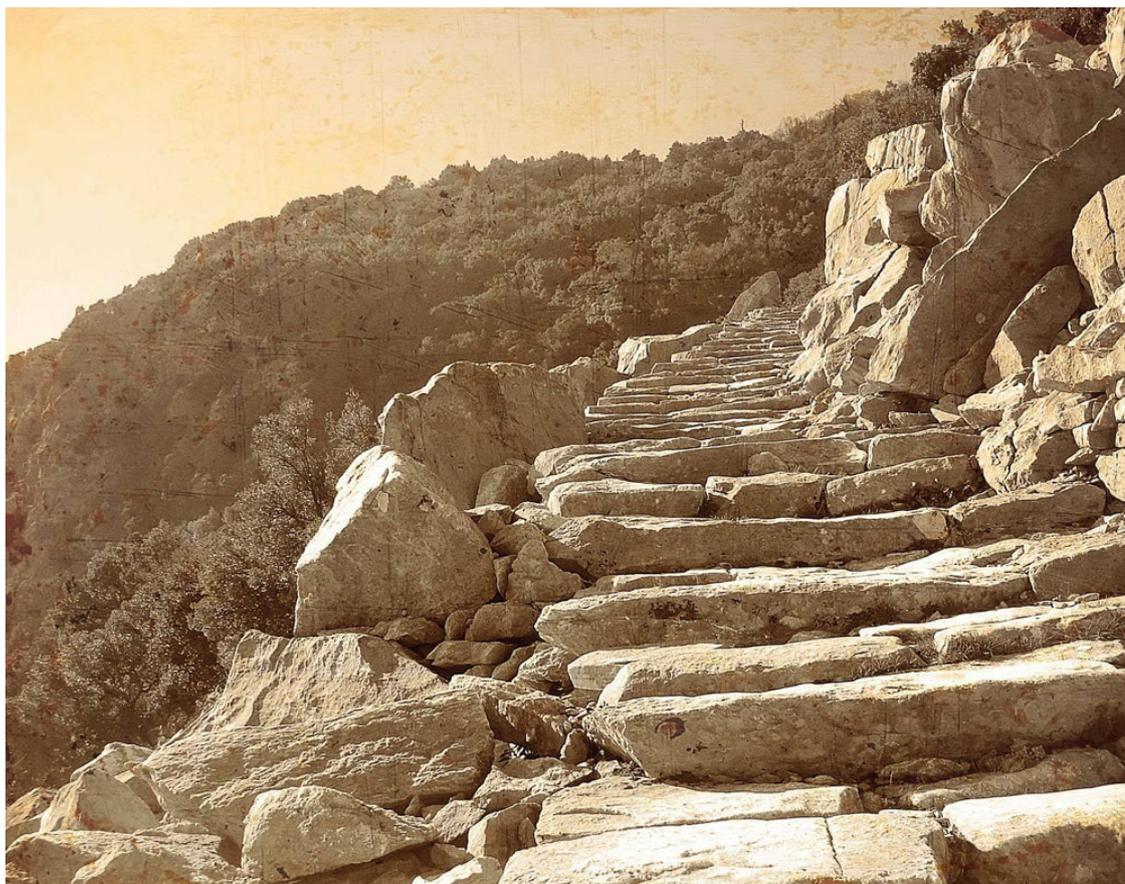
С тех пор Старец получил великое утешение в своих скорбях и мучениях. Он душевно укрепился и с того времени стяжал гораздо большее терпение в искушениях.

Он выдержал безропотно эти искушения, и на тридцатый день, брань закончилась, и демоны исчезли. Он говорил после этого: «Не забуду никогда этот глас. Он был настолько сладок, что в то же мгновение пропало искушение и все уныние».

Их церквушка оказалась столь малой, что любой мог прямо из стасидии дотянуться до купола. Но в ней было очень умирительно. Ее посвятили Честному Иоанну Предтече. А для росписи пригласили соседнее братство Ананеев, с которыми Старец сохранял тесные братские отношения.

В первое время их жизнь на новом месте была, действительно, жестокой и безысходной, потому что они не имели ничего, кроме самого необходимого. Но с другой стороны, несмотря на трудности, связанные с теснотой места и малопригодностью келий, они имели большое утешение, ведь никто теперь им не досаждал. Они были надежно защищены крутым склоном, не имеющим дорог, по которым мог бы пройти человек. Тем самым они оказались совершенно отделенными и получили безграничное безмолвие. И забот они не имели, потому что невозможно было разбить огород. Выбранное место располагалось на очень крутом склоне, густо поросшем каменными дубами. Все их достояние – это одна калива, да небольшая кухонька.

Освобождение от земельной собственности, вместе с тем обогатило их молитвой и созерцанием. Они непременно старались избегать удобства и жили в простоте, довольствуясь тем, что было. Все было устроено так, чтобы они имели немного попечения и тем самым сбросили тяжесть, мешающую духовной жизни.

В то время, как я стоял и размышлял, что мне делать, смотрю – один священник с торбой и посохом восходит по лестнице...

В своих новых аскетических каливах они жили почти, как заключенные. Прибавьте к этому неприступность места, редкость встреч с другими отцами и жесткий аскетический устав.

Этот устав в Малой Святой Анне был следующим. С рассветом они просыпались и трудились над своим рукоделием или же делали какие-либо необходимые ремесленные работы. В полдень каждый брат удалялся в свою келью и там справлял вечерню по четкам. А если оставалось еще время, то немного поучался в Писании. После чего все вместе собирались для обеденной трапезы. Окончив трапезу, брали благословение Старца и расходились на три часа отдыха по кельям, до заката солнца. Отдохнув, пили по чашечке кофе и начинали бдение, которое продолжалось до полуночи.

Когда приходил священник, то в полночь начиналась Божественная Литургия в церквушке. В том случае, если не было священника для совершения Литургии, они продолжали бдение или в поучении, или же в молитве. После Божественной Литургии они имели возможность отдохнуть до рассвета. В соответствии с их уставом, продолжительность сна составляла два-три часа, потому что это весьма помогало в бдении.

Этот устав старец Иосиф не изменял никогда, потому что знал – последуют изменения в молитве. «Дело в том, – как он указывал, – что если днем сделать что-то больше или меньше, то, соответственно, и тело устает, и ум рассеивается, и тем самым уменьшается готовность к молитве». Поэтому он сохранял с совершенной точностью принятый устав даже в трудные моменты своей жизни. Безусловно, в этом ему помогал и характер: дисциплинированный, решительный и негибкий.

Для того чтобы показать, какое значение придавал старец Иосиф хранению своего аскетического устава, стоит здесь привести один примечательный случай:

Однажды послушники пришли издалека, принеся с собой провизию и некоторое количество рыбы. Но как раз был час безмолвия. Они говорят Старцу:

– «Геронда, мы принесли рыбу, и если не приготовим ее сейчас, то испортится». (Где можно было в те времена найти холодильник на Святой Анне, а тем более – у старца Иосифа!!! Важно обратить внимание на то, что такая пища была редкой для братства как по причине их аскетизма, так и из-за большой цены и труда, необходимого, чтобы ее достать.) Тем не менее Старец, не вступая в беседу, отрезал:

– «Предпочитаю, чтобы испортилась рыба, тому, чтобы испортился наш устав! Оставьте все как есть и идите отдыхать».

А на следующий день он заметил монахам:

– «Я намеренно оставил рыбу портиться, чтобы вы запомнили на всю вашу жизнь значение устава!»

Старец часто указывал ученикам:

– «Внимайте уставу! Я и о. Арсений пролили кровь, чтобы передать вам его в готовом виде».

Старец был весьма упокоен в новом аскетическом убежище и, исполненный энтузиазма, писал о своей жизни одной духовной дочери: «Мы здесь, сестра моя, всю ночь не спим. Каждый вечер начинаем бдение. Целую ночь молимся за весь мир. Немного отдыхаем только утром и в обед, после еды. Таков наш устав: половину дня работаем, остальное время – безмолвствуем. Этого достаточно. Аскетическая жизнь! Пустыня! Ангельская жизнь, полная благодати! Если бы ты могла хоть в какой-то мере это увидеть! Ах, если бы тебе было возможно нас видеть! Здесь, сестра моя, действительно, земной Рай. Если кому-либо удастся выдержать от начала такую жестокую, высокую жизнь, то он станет святым».

В этих пещерах уже жили когда-то два-три русских аскета, и от них остались два небольших резервуара для воды.

Первое время их пребывания на том месте они оставались неизвестными. Но как говорит Господь: «Не может укрыться город, стоящий наверху горы (Мф 5:14)», так и благоухание добродетельной жизни Старца не могло оставаться сокрытым. Мало-помалу отцы, живущие по близости, узнали о его святости. И некоторые стали приходить, чтобы повидаться и получить душевную пользу.

К несчастью, нашлись и такие, которые не имели духовного интереса, а в сущности желали провести время в бесполезных разговорах, гонимые своим унынием. Старец видел, что не получает пользу от таковых проявлений «любви», но, наоборот, душа терпит вред. Вследствие этого он принял решение установить дверь в том единственном узком месте, где располагался вход во двор. Это позволяло защититься от всех желающих поглядеть и тем самым давало Старцу возможность исполнять свой безмолвный устав. Эта дверь для всех закрывалась в полдень, таким образом чтобы Старцу, по меньшей мере, не препятствовали получать пользу от молитвы и безмолвия, соответственно тому уставу, которому он научился вначале. Так, ему удавалось начинать бдение более отдохнувшим. Он говорил себе: «Какую пользу я принесу ближнему, если бесполезные разговоры меня убивают? Наоборот, если я буду в мире пребывать озаряемый Божественным Светом, то я и от Него передам освящение, и заповедь любви Христовой исполню».

Старец заботился, как бы не расточить попусту многоценные вечерние часы, потому что видел: если их проводить мирно, в страхе Божиим, то получает столь великие духовные плоды, что оставалось только удивляться пользе, приносимой беспопечением и благочином. Наконец, он написал на дощечке: «Не стучите в дверь! Я не хочу разговоров, празднословия и осуждения». Впрочем, он открывал дверь на два-три часа, но только утром.

Следуя такому уставу, он имел полное безмолвие и, исполненный радости, писал одному человеку: «Я самый счастливый из всех людей! Потому что живу беспопечительно, наслаждаясь медом безмолвия, совершенно не прерываясь. И в том случае, когда отходит благодать, тогда безмолвие, как иная благодать, меня пригревает в своем чреве».

Кроме того, он сложил и стихотворение³:

«Пристанище безмолвия обрет,
Душой и телом также я окреп
В сладчайшей тишине плывет мой ум
Уже не слышен здесь и грозный моря шум –
Житейского, бурлящего волнами моря...»

Старец стремился к безмолвию и уединению, всегда помня это как цель, чтобы удалось стяжать благодать Святого Духа через молитву, как это делал и прп. Серафим Саровский. Кроме всего прочего, сам Старец был исихаст и затворник, что объединяет в себе все виды монашеского делания. Естественно, и прп. Серафим отдавал предпочтение именно отшельнической жизни.

Это было достаточно тесное место, более похожее на гнездо орла. Оно было ограничено с одной стороны скалой, а с другой – отвесным утесом.

³ Дословно можно перевести и так: «Найдя пристанище безмолвия, Укрепилась душа моя, и тело подобным же образом обрело крепость, И ум мой плавает в сладчайшей тишине, И не спрашивай меня, что делается в житейском море...»

Духовные состязания

Старец пишет в одном письме о двух путях монашеской жизни: «Как только благодать Божия просветит человека и выведет его из мира, он приходит в монастырь или скит, к другим братьям. Оказывает всем послушание и обретает покой через хранение Божественных заповедей. И, исполняя свои установленные духовные обязанности, ожидает в благой надежде милости человеколюбивого Бога. Это общий путь, по которому шествуют многие отцы»⁴.

Вслед за этим Старец объясняет, что существует и другой путь, по которому идут отшельники. Старец Иосиф следовал по этому второму пути и описал это таким образом: «Как только человеколюбивый и благой Бог ниспосылает луч Божественной благодати в сердце грешника, он тотчас восстает, ища духовников для исповеди соделанных им за долгое время зол. Он ищет и пустыню, и пещеры, чтобы ему удалось обрести хоть малое безмолвие и укрепиться для борьбы против страстей, и тем самым загладить соделанные им грехи, обрекая себя на всяческое злострадание: голод, жажду, холод, зной и другие подвиги, – все, о чем свидетельствуют примеры святых».

А Сладчайший Господь прибавляет ему еще больше теплоты. Подобно раскаленной печи горит его сердце в горячей любви к Богу, дает и безмерную ревность к исполнению Божественных заповедей, в безграничной ненависти против страстей и грехов...

⁴ 1, 280.

Они очистили резервуары, как могли, и прилепили желоб к скале, чтобы собирать дождевую воду, потому что нигде поблизости не было источника.

В одной пещере построили одну каливочку, а в другой – маленькую церквушку.

Прежде всего, он начинает с великой готовностью расточать все свое имение, каким бы оно ни было – большим или малым. И когда он станет совершенно нищим и тщательно будет исполнять Божественные заповеди, тогда он уже не в силах будет сдержать любовь и пламенное желание пустыни. Оставляет родителей, братьев, друзей и прочих родных. Он один и жаждет только одно. Именно Его он ищет и со всей силой последует Иисусу. И подобно охотнику, ходящему по пустыне и выслеживающему зверей, он выслеживает, если повезет, воспитателя и руководителя для души, чтобы под водительством наставника ему удалось продвинуться к цели, через это он научается образу восхождения к небесному гражданству и по силе восходит!

(Папа-Анания старец о. Иоанникия) Папа-Анания отвечает ему:

- Иоанникий, как ты понял, что это Пресвятая Богородица?*
- Я сказал Ей прочитать молитву «Богородице Дево...», и Она прочитала все.*
- Хорошо, Иоанникий, а где Она сидит?*
- Да вон там, в стороне.*
- А какая на Ней одежда?*
- Красная.*
- Спроси Ее: «Когда я умру?»*
- Богородице моя, когда я умру?*
- Что Она тебе сказала?*
- Когда Господь захочет.*

Но к несчастью, идущих таким путем очень мало по той причине, что в настоящее время истощились опытные руководители. Он плачет и рыдает, не находя того, что было в старые времена, как ему хотелось бы. Но что ему сделать с таковой великой ревностью к безмолвию? Он исследует и ищет наиболее опытного руководителя и вручает себя ему в послушание, и с молитвой и благословением начинает духовный подвиг.

Здесь в настоящее время многие имели эту горячность, принимали святую схиму и, по молитве и благословию старца, уходили в уединение на безмолвие, и время от времени приходили и советовались. И наоборот, иные оставались вместе и имели разрешение безмолвствовать только в определенное время, пробовали исполнять всяческие добродетели: проливать слезы, бдеть, поститься, молиться, поучаться в Писаниях, и делать поклоны по силе, и вообще заботиться о чистоте, и воевать против страстей. И когда кто-либо, как мы уже сказали, достигает преуспевания в безмолвии, то еще более предается подвигу.

Истинно безмолвствующий ради Христа непрестанно проливает слезы, оплакивая свои грехи и заботясь о всякой добродетели. И с горячей верой предается подвигам даже до смерти. Закрывая ум в сердце, он на вдохе и выдохе говорит молитву: «Господи Иисусе Христе, помилуй меня», – тем самым он собирает ум в соответствии с твоими наказаниями и Свв. Отцов, преуспевших в трезвении.

Каким образом дыхание связано с жизнью плоти, таким же точно образом ум связывается молитвой и восстанавливает свою душу из омертвления. Он чувствует себя, как неутомимый работник, с болью ищущий милости, и начинает понемногу умно ощущать просвещение, происходящее от Божественного утешения.

Тем не менее, кроме всего прочего, диавол продолжал восставать против Старца больше и больше немощных отцов. Тогда Старец решил защитить себя и первый раз пришел в Скит дать ответ отцам. Но дело зашло уже слишком далеко. В конце концов Монастырь,

которому принадлежит Скит, вместе со Скитом решили его изгнать. (Собор отцов Великой Лавры)

Это является первой ступенью монашества. Он как нашедший след и высматривающий, исследующий Бога, будучи новоначальным, идет путем блаженств и тем не менее получает удостоверение, что шествует по истинному Пути. Прежде всего, как мы сказали, был луч той Богозванной благодати, которая приводит к очищению. Она и только она одна нам может помочь. Эта Божественная энергия различается в чувстве ума, не поддаваясь созерцанию. Она чувствуется порой в телесных обстоятельствах: дает чуткость и заботу о духовном, приносит плач и слезы так же, как и воспоминание и сокрушение о соделанных прежде грехах. Еще же она дает желание подвига, естественно, стремление к природе, Богоугодные созерцания и очень приятное услаждение нашей душе. И не только это, еще она дает умное видение в чувстве осияющего Света и, как триблаженный Старец явил нам ее, приходит подобно еле заметному дуновению ветерка.

Так благодать, как некая баня, мало-помалу очищает человека. Благодать смягчает его сердце к сокрушению, к плачу, к послушанию, к ревности и к еще большей теплоте, и еще более усиливает естественные душевные дары, которыми обладает человек. Благодать как некая мать, баюкает как ребенка, обучая того, кто приносит себя в жертву. Действительно, когда приходит эта вторая наша Мать – Благодать, он скачет и веселится в радости. Наконец, когда Благодать удаляется, человек, не понимая мудрости всесвятого Бога, плачет и рыдает, пытаясь снова найти ее. Будучи неопытен в этом, человек полагает, что Благодать ушла совершенно, в то время, как она только лишь сокращает свое действие. Тогда он предлагает посты к постам, стояния, бдения, молитвы и прошения, предполагая, что этим привлекается Благодать Божия. Враги же наши, демоны, многообразно его сокрушают, и чтобы он вместе со слезами искал еще больше Божественной помощи, таково домостроительство Божественного Промысла для его воспитания.

И как только снова приходит Божественное посещение, он как ребенок начинает кричать: «Ах! Ах! Как Ты меня оставил?! Ведь меня чуть-чуть не задушили демоны! Не уходи больше! Ах! Что мне сделать, чтобы Тебя удержать?!» (Он как младенец полагает, что его подвиги привлекают благодать, и думает, что ему нужно сделать, чтобы ее удержать.) Да, Спаситель мой, пощади и больше меня не оставляй, но пребывай вместе со мной в этой моей жизни и, когда отойду, дай вместе с тобой пройти мытарства!

Он говорит это и многое другое, но это уже не принимается во внимание. И снова Божественное утешение, как только его усладило медом, отходит назад, и приходит вкус полыни. Но даже как сосуд посредством частого смазывания становится чище, таким же образом и человек содевается способным к приятию Божественного просвещения. Благодать начинает чаще приходить и все дольше пребывать, как привычка, тогда ребенок ее уразумевает и узнает, тогда он обретает большую уверенность, полагая, что это как результат, который был дан ему за труды.

Для Старца сделали небольшое расширение в одной маленькой пещерке, чтобы осталось место для складика, и три маленьких комнатки.

Длительность этого периода может растягиваться на три-четыре года (или больше – или меньше). Он видит Божественную Благодать, учащую и умудряющую его, уменьшающую его страсти и видит происки демонов, не имеющих сил долго воевать против него, потому что его охраняет Божественная энергия. И если он бодрствует, то имеет в качестве утешения слезы – ходит ли или трудится. Если же умно молится, он имеет умное ощущение облака света, которое порой его посещает. Наконец, если он спит, даже немного, то видит прекрасные сновидения: Рай с сияющими подобно золоту цветами, неопишутые царские дворцы, сверкающие ярче солнца, и много всего другого. А когда он просыпается, то его ум подвигается всеми этими снами к горячности и ревности, удивляясь красоте вечных благ и тому, что будет, когда он удостоится стать их наследником...

Когда ребенок видит все вышеупомянутые блага, он еще не знает всего того, что необходимо для различения Промысла Божия. Ведь он пока питается молоком и не стяжал пока чистых очей. Он оказывается до краев переполнен как светом, так и тьмой, а все его добрые дела смешаны со страстями. И по этой причине он начинает размышлять и приходит к выводу, что – вот, Господь даровал ему благодать ради его подвигов и скорбей. Зловредный демон таинственно всевает в него свои ядовитые семена, как он соделал это с древней Евой. – И младенец раскрывает свои уши! Тогда-то и происходит отступление благодати по Воле Божией, чтобы ребенок научился смирению. Тем временем приближается несчастный демон и внушает ему:

«Разве ты не видишь то, о чем в настоящее время все говорят, что Господь уже не дает благодати? Видишь?!» Ведь они не хотят подвизаться и другому человеку препятствуют, запугивая: «Ты впадешь в прелесть, ты упадешь в горшние грехи, ты просто не сможешь!»

И многому другому учит его древнее зло. Во всяком случае, младенец не умеет распознать той паутины, которую оно плетет, потому что неопытен в брани. Он окрадывается, принимая ложь за истину, а может быть, и по Божественному Домостроительству, имеющему цель, чтобы он соделался более мудрым и не оставался навсегда младенцем⁵.

Естественно, когда он приходит к таким помыслам и убеждается в своем бессилии, тогда он видит себя самого хуже земных пресмыкающихся. И он хочет, если бы было возможно, всех людей вместить в свое сердце, чтобы и они увидели это и были спасены. И так он получает закваску от благодати Божией. Но поскольку он убеждается, что не может спасти кого-нибудь другого, то он, будучи в уединении, начинает молиться за всех, чтобы Бог их спас.

Все эти искушения, которые он терпит, все бури страстей и кораблекрушения, все страхи и столь великие трудности произошли от того, что не было руководителя, который бы его носил и вел. Поистине, в наше время недостает таких опытных наставников. Он находит одного из тысяч, чтобы миновать этот опасный путь. Это, как мы сказали прежде, есть краткий путь к Богу, который открывает человеку вход в Вечную Жизнь.

Именно по причине недостатка опытных духовников возникают различные прелести. Дело в том, что Благодать Божия имеет неотложную необходимость уйти, если испытуемый подвижник хорошо ее распробовал в начале, чтобы его упражнять и соделать воином Христовым, опытным на деле. А без таких искушений никто не сможет прийти к совершенству. Это положение, о котором мы говорим, когда многие пали в прелесть, это та ступень, когда уходит благодать Божия, чтобы нас сделать испытанными воинами в духовной брани, и чтобы мы не были всегда детьми. Поистине, Бог желает нас соделать мужами достойными и мужественными борцами, сильными сохранить Его богатство. Потому-то Он нас и оставляет искушаемыми...»⁶.

⁵ 1, 284

⁶ 1, 279–282. Здесь на протяжении большого отрывка встречаются аллюзии и цитаты из пятого послания «О том, как приходит Божественная благодать...». Некоторые цитаты точны и следуют одна за другой, иные – перемежаются обширными комментариями. Поскольку в греческом первоисточнике большинство цитат не обозначено, можно предположить, что о. Ефрем записал их по памяти. Интересно, что иногда о. Ефрем не только толкует, но и эмоционально дополняет текст послания Старца Иосифа. Например, к восклицанию Старца: «Ах! Ах! Как ты меня оставил?! Ведь меня чуть-чуть не задушили демоны! Не уходи больше! Ах! Что мне сделать, чтобы Тебя удержать?!» о. Ефрем добавляет комментарий: «Он, как младенец, полагает, что его подвиги привлекают благодать и думает, что ему нужно сделать, чтобы ее удержать», а далее о. Ефрем продолжает саму молитву: «Да, Спаситель мой, пощади и больше меня не оставляй, но пребывай вместе со мной в этой моей жизни и, когда отойду, дай вместе с тобой пройти мытарства!»

Это сооружение было сложено из камней, а чтобы не упасть, они были промазаны внутри и вне смесью с глиной, взятой от земли, с какими-то ветками сверху и крышей, покрытой цинковым железом.

А тем временем зловредный диавол, который не мог выносить жительство по Богу, и увидел как все его козни против Старца оказались тщетными, а именно, что он потерпел поражение, воздвиг против Иосифа многих монахов Святой Горы. К Старцу приходили многие, не удосуживаясь даже поинтересоваться о его распорядке, и когда им отказывали, то они поднимали шум.

Старец говорил: «Кто бы это ни был, всякий, кто придет утром, изменяет, ограничивает наш распорядок». Однажды кому-то ожидающему приема он крикнул:

– «Будь ты и сам ангел, в этот час я тебя не приму!» Только в редких случаях, крайней необходимости, которые определял сам Старец, он открывал дверь после полудня – до вечера. Но такое происходило весьма-весьма редко, потому что каждый час был на счету и для того, чтобы поговорить с благовременным посетителем, необходимо было «ломать устав».

Один послушник Старца недоумевал об его упорстве в выполнении устава и однажды заметил:

– «Геронда, потому именно, что вы имеете такую «любовь» и оказываете столь «великое снисхождение» ко всем посетителям, так что никогда не принимаете никого вне распорядка, этим самым Вы их и подвигаете к соблазну». На что Старец ответил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.